

Why Fascism?¹

ЭДВАРД
КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН
УИЛКИНСОН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Англичане полагают, что идею демократии можно вывести из первой главы книги Бытия. Подавляющее большинство британцев – независимо от их классовой принадлежности и политических взглядов – считают парламентскую демократию лучшей формой правления из всех, какие до сих пор смог изобрести человеческий разум. Для них само собой разумеется, что любая страна, став в полной мере цивилизованной, немедленно захочет перейти к этой форме правления. Граждан, подвергающих сомнению божественное право парламента, записывают в чудаки – наряду с людьми, которые все еще пьют за «короля за морем» и в памятные даты возлагают цветы к статуе короля-мученика Карла².

Поэтому в Первую мировую войну воевать за демократию казалось рядовому британцу естественным делом. Ничто так не способствовало охватившему страну послевоенному разочарованию, как постепенное осознание британским обществом того, что на деле война велась вовсе не за демократию, а за нечто иное. Огромные части Европы, ранее уже достигшие, казалось бы, демократии, вернулись вдруг даже не к Бисмарку или Габсбургам – а к формам правления, напоминающим тирании эпохи Возрождения. Для этой тенденции появилось название: «фашизм». Оно, как и термин «большевизм», похоже, превратится в зонтичное понятие, используемое для обозначения вообще всего, что не по душе говорящему.

Те, кто воспринимает фашизм как режим захвативших власть негодяев, не нуждаются в дополнительных разъяснениях. Им остается только жалеть его жертв и вздыхать, что та самая война за демократию обернулась для оных не лучшим образом. Однако нельзя упускать из виду одну странность: в тираниях, о которых идет речь, особенно в Италии и Германии, действующая власть, судя по всему, пользуется горячей поддержкой широких масс, – а возможно, и большинства населения. Таким образом,

Эдвард Конзе (1904–1979) – немецко-британский буддолог и философ. Публикатор признанных классическими английскими переводов основополагающих буддийских текстов, автор нескольких исследований по истории и философии буддизма.

Эллен Уилкинсон (1891–1947) – британская активистка и политическая деятельница, участница профсоюзного и суфражистского движений, член Коммунистической и Лейбористской партий, член Палаты общин (1924–1931, 1935–1947), министр образования Великобритании (1945–1947).

1 Перевод выполнен по: CONZE E., WILKINSON E. *Why Fascism?* London: Selwyn & Blount, 1934. P. 9–17, 69–75, 310–317.

2 Тост за «короля за морем» был распространен среди якобитов, сторонников свергнутой в 1688 году династии Стюартов. Карл Мученик – именование казненного в 1649 году короля Карла I, популярное среди его сторонников, особенно в церковных кругах (до 1859 года англичане отмечали день его памяти ежегодным богослужением).

можно сделать вывод, что для сторонников этих режимов есть нечто более ценное, чем право участвовать в политической жизни страны и свободно высказываться о правительстве.

Посетив эти страны, англичанин, чей круг общения там не ограничен одними лишь официантами и более-менее знающей английский язык прослойкой интеллигенции, то есть способный копнуть несколько глубже, чем простой турист, обнаружит, что личная свобода граждан резко ограничена, но происходит это с их молчаливого согласия, которого нельзя объяснить исключительно запугиванием.

Стороннему наблюдателю следует задаться вопросом: получили ли эти граждане, отказавшись от демократии, что-либо стоящее взамен или же остальному миру остается лишь благочестиво молиться о том, чтобы однажды они прозрели? Ответ во многом будет зависеть от мировоззрения этого самого наблюдателя. Для людей, которые активно интересуются политикой (в самом широком смысле), не иметь возможности участвовать в политической жизни страны, наблюдая при этом, как вопросы церкви и государства решаются сообразно прихотям однопартийного правительства, может быть величайшей трагедией. Жизнь при таком режиме становится для них невыносимой, изгнание или даже тюрьма кажутся предпочтительнее. Но, вероятно, справедливо говорить, что в большинстве стран подавляющее большинство населения охотно согласилось бы передать власть кому угодно при условии, что возникший в итоге политический режим позволит им иметь достойный заработок. Если рассматривать всю историю человечества как борьбу за получение средств к существованию – основы нормальной жизни любого человека, – то способность фашизма (равно как любой формы правления до него) удовлетворять запросы подконтрольного ему населения и будет главным условием его текущей жизнеспособности и потенциального распространения.

Часть тезиса данной книги заключается в том, что демократия и фашизм не существуют как формы правления в вакууме. Они должны соответствовать условиям промышленного и сельскохозяйственного производства тех исторических периодов и стран, в которых эти режимы преуспевают. Если форма правления слишком сильно расходится с нуждами производства в конкретной стране, такая система должна разрушиться и исчезнуть, как в свое время потерпел крах феодальный строй.

В прошлом перемены в экономике и политике происходили медленно. Взаимодействие двух этих сфер растягивалось на длительные периоды. Но в наше время темп происходящих в промышленности изменений значительно ускорился. Формы правления и общественные условия за ним больше не успевают. Таким образом, сегодня мы наблюдаем чрезмерную на-

пряженность, вызванную огромными производственными мощностями высокомеханизированной промышленности и сельского хозяйства с применением научных методов, которые по мере рационализации производства требуют все меньше человеческих ресурсов и создают давление на общество, изначально сложившееся в условиях низкой потребительской способности масс.

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

Если рассматривать всю историю человечества как борьбу за получение средств к существованию – основы нормальной жизни любого человека, – то способность фашизма удовлетворять запросы подконтрольного ему населения и будет главным условием его текущей жизнеспособности и потенциального распространения.

Все еще находятся те, кто говорит, что этот важнейший феномен, влекущий за собой нарушение общественных отношений и массовую безработицу, не имеет никакого отношения к политике – за исключением того факта, что правительство должно принимать необходимые для подавления недовольства меры. Людям с такими взглядами должно казаться, что во всем мире необъяснимые кризисы хаотично сменяют друг друга. Войны происходят из-за недоставленной телеграммы или из-за того, что какой-то министр не смог в критический момент принять решение. Массы отказываются от свобод, за которые боролись их отцы, из-за убедительного красноречия или магнетической харизмы того или иного вождя. Именно из-за подобных допущений так много *chroniques scandaleuses*³, армейские и дипломатические сплетни до сих пор причисляют к серьезным историческим источникам.

Чтобы рассмотреть фашизм целостно, увидеть его не как череду чудесных происшествий, обусловленных присутствием Гитлера или Муссолини, а как результат экономических, политических и социальных реакций в рамках определенного исторического периода, следует с самого начала отказаться от трех подходов. Первый, распространенный в основном в Великобритании и США, концентрируется на отдельных частях проблемы, упуская из виду общую картину. Некоторые люди акцен-

3 «Скандальные хроники» (фр.) – сочинения на исторические и современные темы, подчеркивающие скандальные детали описываемых событий. Название восходит к французским образцам жанра, важнейшим из которых была многотомная «La Chronique scandaleuse, ou Mémoires pour servir à l'histoire des mœurs de la génération présente», издававшаяся в предреволюционной атмосфере второй половины 1780-х.

тируют внимание только на еврейском вопросе, однако он не является неотъемлемой составляющей фашизма. Итальянские фашисты не антисемиты. В Италии евреи занимают высокие должности даже в Генеральном штабе и Министерстве образования. Министр финансов в правительстве Муссолини Юнг – еврей⁴. Если не считать личного пунктика Гитлера и небольшой, хотя и влиятельной части нацистской партии, антисемитизм даже в Германии не имеет первостепенного значения. Еврейский вопрос выдвигается на передний план в публичном поле, когда евреев требуется выставить козлами отпущения, чтобы направить общественное недовольство в безопасное для правительства русло, что практиковалось в Германии задолго до появления фашизма. Мы ни в коем случае не хотим обесценить ужасные страдания евреев при фашистском режиме. Избиения и пытки отдельных лиц, намеренный отказ в трудоустройстве, разорение малого бизнеса, дискриминация еврейских детей в школах – все это составляет летопись бессмысленной, казалось бы, жестокости. Но эти ее проявления невозможно понять, если не рассматривать проблему фашизма в целом.

Точно так же насилие и зверства фашистов по отношению к их противникам в целом не должны заслонять собой более фундаментальные вопросы. Общественность постоянно слышит шокирующие новости о садистских расправах, доказательства которых неопровержимы. Никто не фабрикует в пропагандистских целях истории о ранах, которые сохраняются на телах вышедших из тюрем жертв нацистов; не выдуманы и увечья, обнаруженные семьей депутата Штеллинга на его теле, когда оно было возвращено им в мешке⁵. То, что творится в итальянских тюрьмах и на Липарских островах, в женских тюрьмах Трани и Перуджи, отвратительно воображению эпохи, которую величайшая война в истории отучила быть слабонервной⁶. В этой книге мы мало говорим об этих вещах, но не потому, что не придаем значения жестокому обращению, которому подвергаются наши товарищи в Германии и других фашистских странах. Мы знаем, что режиму, который прибегает к средневековым пыткам беззащитных заключенных, нет оправдания. Но для целей изучения фашизма важность этих ужасов заключается не в том, что они произошли в Германии и Италии, а в том, *почему* они происходят повсюду, неизменно сопровождая фашистский режим.

4 Имеется в виду Гвидо Юнг (1876–1949), занимавший пост министра финансов Италии с 1932-го по 1935 год.

5 Иоганнес Штеллинг (1877–1933) – политический деятель, член Социал-демократической партии Германии и депутат рейхстага Веймарской Республики. Был арестован и до смерти запытан нацистами в ночь с 21-го на 22 июня 1933 года. Его обезображенное тело было найдено в мешке, брошенном в реку, десять дней спустя.

6 Перечисленные места использовались в том числе для ссылки или заключения политических оппонентов фашистского режима.

Нравственное негодование, вызванное подобной жестокостью, порождает вторую причину путаницы. Противники фашизма выкрашивают его в столь однородный черный цвет, что те, кто не живет в фашистских странах, просто не могут понять, как люди терпят такой режим и уж тем более – почему он пользуется поддержкой широких масс, в частности, трудящихся. Поэтому иностранцы полагают, что импонирующие населению элементы фашизма – это всего лишь блеф, умная пропаганда, которой простачки не могут вовремя раскусить. Теории такого рода, выдвигаемые даже марксистами, опасно близки к теории «великого человека», согласно которой доверчивые массы – всего лишь податливый воск в руках умных и беспринципных манипуляторов. Наша единственная надежда на светлое будущее зиждется на том, что это не так; что все эти вожди, которые в критические моменты будто бы умудряются обуздать грозу и удержаться на плаву, на деле не более чем бросающиеся в глаза невесомые буи, сигнализирующие, в каком направлении движутся глубокие скрытые потоки человеческих чувств.

Но самое популярное объяснение фашизма, вызывающее не меньше путаницы, чем все остальные, – это «гангстерская теория», согласно которой фашизм есть лишь применение методов г-на Аль Капоне в масштабах целого государства⁷. Власть захватывает до зубов вооруженная банда без какой-либо цели, помимо установки на собственное обогащение и возвеличение. Они, как пьянчуги, мотаются от одного крупного промаха к другому, сея беззаконие. Удерживать власть им удастся лишь с помощью хорошо отлаженных инструментов террора и слежки, а также благодаря полному уничтожению аппарата, который способен организовывать и придавать огласке критические настроения в обществе. Эта теория подкупает своей простотой. Правдоподобия ей придают такие громкие операции нацистов, как поджог Рейхстага или расстрелы 30 июня⁸. Но она не объясняет горячей народной поддержки Гитлера. Как сказал сэр Освальд Мосли на митинге в Альберт-холле: «Гитлер не мог заставить всех этих немцев проголосовать за него»⁹. Даже если объяснять это запугиванием, то для достижения эффекта такого масштаба, какой показали итоги пле-

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

- 7** Уподобление Гитлера и нацистов мафиози Аль Капоне (1899–1947), приговоренному к тюремному заключению в 1931 году, и его гангстерам стало одним из общих мест в дискуссиях того времени. Например, летом 1934-го такое сравнение было сделано лордом Бивербруком – британским политиком и владельцем газет «Daily Express» и «Evening Standard» (см.: GRIFFITHS D. *Plant Here The Standard*. London: Macmillan, 1996. P. 252).
- 8** Поджог Рейхстага, использованный нацистами для укрепления своей власти и репрессий против оппонентов, случился 27 февраля 1933 года. 30 июня 1934-го произошла так называемая «ночь длинных ножей» – уничтожение руководства штурмовых отрядов НСДАП в ходе внутринацистской борьбы за власть.
- 9** Мосли выступал на собраниях Британского союза фашистов в лондонском Альберт-холле 22 апреля и 28 октября 1934 года.

бисцита о выходе из Лиги Наций, потребовался бы огромный человеческий ресурс¹⁰. У Аль Капоне имелась только личная охрана. Если бы власть Гитлера опиралась на столь узкое основание, то его богатым врагам (коих среди евреев найдется множество) не составило бы труда закупиться пулеметами в достаточном количестве и уравнивать шансы. Проблема, по-видимому, заключается в том, найдется ли достаточно людей, желающих этими пулеметами воспользоваться.

Противники фашизма выкрашивают его в столь однородный черный цвет, что те, кто не живет в фашистских странах, просто не могут понять, как люди терпят такой режим и уж тем более – почему он пользуется поддержкой широких масс, в частности, трудящихся.

Цель этой книги – показать, что, хотя фашизм и обладает перечисленными чертами банды, диктатуры, жестокой тирании, все это лишь часть общей картины; что фашизм – это не случайность, а неизбежный результат определенного набора обстоятельств. Фашизм восторжествовал только после того, как были испробованы другие способы выбраться из послевоенного хаоса. Как Первая мировая война была попыткой разрешить противоречия довоенного капитализма, так и Вторая мировая война будет способом (навязанным фашизмом) выбраться из хаоса, в котором уже пребывают фашистские страны.

Только поняв, какие условия неизбежно порождают фашизм, можно разработать правильный метод, который позволит избежать его установления в другой стране, – разумеется, при условии готовности ее граждан заплатить за это определенную цену. Ибо, как мы подробно покажем далее, оба эти средства, война и фашизм, направлены на то, чтобы избежать трудностей плановой экономики. Крах индивидуализма и низвержение в хаос экономической системы, служившей основой либерального мировоззрения, – определяющие обстоятельства нашего временного периода. Вовсе не пропаганда, не распространение идей, с которым справился бы любой полицейский, а давление неумолимого потока продукции машинного производства разрушило основы *laissez-faire*¹¹. Просто возделывая землю, человечество способно пережить любые политические потрясения – это было доказано неоднократно. Но век машин нуждается

10 На референдуме, состоявшемся 12 ноября 1933 года, выход Германии из Лиги Наций поддержали 95,08% голосовавших.

11 Дословно «позвольте делать» (фр.) – политика невмешательства государства в экономику.

в планировании. Сложную машину, в которую превратился современный мир, нельзя просто отдать в распоряжение слепым силам природы или погрузить в анархию неконтролируемой конкуренции.

Вопрос, который предстоит решить и который, вероятно, будет решаться в течение этого столетия, состоит в том, кто должен контролировать планирование века машин и из чьих интересов при этом исходить. Должна ли машина производить прибыль для элиты или служить нуждам масс? Должна ли она работать ради личной выгоды или в интересах общества? Столкнувшись с выбором между фашизмом и социализмом, целый континент может склоняться в сторону фашизма – либеральному уму понять этот факт может быть труднее, чем социалистическому. Ведь фашизм заявляет, что тоже выступает за планирование, но по принципу наименьшего сопротивления, наименьшей психологической дисгармонии и с минимально возможным нарушением устоявшихся убеждений и общественных отношений. Но может ли фашизм выполнить то, что обещает? Может ли он на самом деле устранить разрыв между покупательной способностью и производительной силой, неизбежный при системе, нацеленной на извлечение частной прибыли и вызывающей недовольство масс в масштабах, которые грозят подорвать саму основу капиталистического общества?

Мы утверждаем, что фашизм – это попытка финансового капитала справиться с ситуацией, увеличить потребление и направить недовольство масс в нужное русло посредством планирования всей экономической, политической и культурной деятельности общества в целях подготовки к войне и при активной поддержке значительной части населения.

Первая реакция многих читателей будет следующей: «Войны не хочет никто, а тем более фашисты, поскольку, как бы они ни бахвалились, они не осмелятся вооружить угнетенные ими массы». Разумеется, ни один ответственный лидер фашистского государства не хочет войны ради самой войны. Он надеется, что желаемых результатов удастся достичь угрозами. Это свойственно человеческой природе, но не отменяет наш главный тезис о том, что фашистская власть обязательно основывает свою политику на подготовке к войне, потому что у нее нет другого способа разрешить стоящие перед ней дилеммы. И фашизм в этом плане – вовсе не уникальное явление. Существуют древние и многочисленные прецеденты проведения политики утихомиривания масс – и даже подготовки их к войне – за счет средств, которые позднее должны быть возмещены из награбленного в других странах. Таков был принцип, лежавший в основе успешной политики Юлия Цезаря. Эта форма

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

цезаризма, возрожденная в наше время Наполеонами I и III, Бисмарком и Дизраэли, отличается от пресного и банального «реставрационизма» – Бурбонов, Романовых и Габсбургов – так же разительно, как Гитлер отличается от бывшего кайзера – факт, подчеркиваемый презрительным отношением нацистского руководства к кронпринцу¹².

Поэтому вовсе не случайно, что фашизм развился в тех странах, где империализм либо утратил свою колониальную опору, как в Германии, либо тщетно пытается ее обрести, как в Италии. В Великобритании фашизм будет становиться все более опасным по мере того, как ослабевает ее имперское влияние, сужая тем самым экономическую базу зажиточного в данный момент населения.

Хотя фашизм и обладает чертами банды, диктатуры, жестокой тирании, все это лишь часть общей картины. Фашизм – это не случайность, а неизбежный результат определенного набора обстоятельств. Фашизм восторжествовал только после того, как были испробованы другие способы выбраться из послевоенного хаоса.

О значимости и перспективах фашизма в Англии нельзя судить по тому, сможет или не сможет Британский союз фашистов и его нынешний лидер, сэр Освальд Мосли, выдержать напряженный «период бума» и активный рост индекса производства. Внутренние разногласия могут развалить организацию Мосли, или ее источники поставок могут иссякнуть. Но распространение фашистских идей не зависит от отношений между Союзом и его членами. В этой книге мы обсуждаем идеи, лежащие в основе фашизма, – они будут возникать и повторяться в разных формах в течение нынешнего периода истории. Идеи корпоративного государства уже находят одобрение не только среди особо деятельных консерваторов в парламенте, но даже среди некоторых лидеров профсоюзов. Фашизм представляет собой одну из альтернатив разрушающемуся капитализму. В той или иной форме его идеи будут сохраняться и не перестанут находить приверженцев, пока современный мир продолжает переходить из одного кризиса в другой.

[...]

12 Кронпринц Вильгельм (1882–1951) – сын последнего германского императора Вильгельма II. Рассчитывая на восстановление монархии, изначально поддерживал Гитлера, но охладел к нацистам после их прихода к власти.

Часть II. КАК РАБОТАЕТ ФАШИЗМ

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

ГЛАВА 1. ФАШИЗМ КАК СИСТЕМА ПРОТИВОРЕЧИЙ

«Почему фашизм преуспел?» Как так вышло, что группа людей, еще десять лет назад никому не известных, сумела создать движение, которое с очевидной легкостью одним махом перечеркнуло великие народные социалистические движения в Италии и Германии?

Обогаатели, вечно пребывающие в поисках «великого человека», еще могут заставить Муссолини сойти за героя – у него по крайней мере внушительная челюсть. Но самое лестное, что сумел сказать о Гитлере как о «великом человеке» кто-либо из его почитателей за пределами Германии, это то, что в нем, должно быть, есть скрытые глубины, незаметные на первый взгляд.

Даже эта утешительная мысль не объясняет, почему Муссолини и Гитлер заявили о себе в течение одного десятилетия или почему во многих других странах фашизм сегодня либо побеждает, либо рассматривается как возможная угроза. Не объясняет она и того, почему эти «великие вожди» оказались именно фашистами, а не коммунистами или социалистами – особенно учитывая, что Муссолини, Гитлер, Пилсудский и Мосли начинали свою карьеру в левой части политического спектра.

С причинами слабости марксистских партий мы разберемся позже. Сначала необходимо найти объяснение тому, почему оказались так сильны партии фашистские. Только одна теория здесь соотносится со всеми фактами, сколь бы она ни была неприятна либералам, социалистам или пацифистам, а именно: несмотря на их вопиюще варварские методы, на грубость их речей и бессмысленный характер продвигаемых ими «мифов», фашисты продемонстрировали лучшее понимание насущных нужд современного общества, чем многие их идеалистически настроенные оппоненты. Согласно здравому смыслу, если кто-то регулярно добивается успеха в определенной среде – значит, он лучше понимает ситуацию и лучше к ней приспособлен, чем тот, кто обычно успеха не достигает. Тот факт, что неудачник более нравствен, исполнен любви, доброты, интеллекта или любой другой добродетели, совершенно не имеет значения. Вряд ли кто-то назовет американских свиных магнатов или нефтяных баронов примерами для общечеловеческого подражания. Но они преуспели в своей сфере. Они были приспособлены к своему времени.

Отсутствие у фашистов четкой программы

Фашизм имеет некоторые любопытные черты. С ним не велось и не ведется эффективной борьбы даже при том, что опасность его была очевидна заранее; и до сих пор не существует удовлетворительного объяснения того, что же такое фашизм. Сами фашисты не смогли дать ему внятного определения. Трудности эти в значительной степени обусловлены не поддающимся пониманию характером фашизма. Он не является четкой теорией и очень гордится тем, что презирает последовательные теории и продуманные программы.

Муссолини говорил: «Нам нужна не программа, а действие»¹³. Если в начале пути сделал это своим лозунгом – и, чем сильнее он отходит от этой позиции, тем менее эффективным становится. Итальянские фашисты всегда делали акцент на том, что они называют «динамикой». Даже в 1924 году фашист Гови в журнале «Critica Fascista» (одном из теоретических органов печати фашистской партии Италии) с готовностью заявлял: «У фашизма есть четкая негативная программа, но совершенно не ясно, какова его программа в части позитивных нововведений»¹⁴.

В начале пути, когда Гитлер только готовился впервые вступить в борьбу за власть, в речи, произнесенной в 1923 году, он заявил: «Давайте мы сперва начнем править, а там программа оформится сама собой»¹⁵. Подобное заявление вызвало бы громогласный смех на любом съезде социалистов или либералов. А еще четыре года спустя Гитлер произнес показательную фразу: «Людям не нужны никакие программы. Им нужно, чтобы ими кто-то управлял».

Правда, еще начиная с 1920 года у Гитлера была программа «25 пунктов». Пункты эти были очень расплывчатыми; один из них требовал «национализации крупных промышленных предприятий, если только они не были основаны великими лидерами немецкой экономики», – что бы это не значило! Еще один пункт требовал «уничтожения процентного рабства», не потрудившись уточнить, какая именно процентная ставка должна считаться «рабством»¹⁶. Но наличие даже этих пунктов, при всей их расплывчатости, вызывало возражения.

13 Ср. слова Муссолини в статье о фашизме, опубликованной в 1932 году в «Итальянской энциклопедии»: «Моей доктриной [...] была доктрина действия» (цит. по: GENTILE E. *The Origins of Fascist Ideology, 1918–1925*. New York: Enigma Books, 2005. P. 104).

14 Авторы приводят слова, взятые из статьи Марио Гови, напечатанной в выпуске «Critica Fascista» от 15 мая 1924 года (см. развернутую цитату в: Ibid. P. 278).

15 В действительности эти слова принадлежали генералу Отто фон Лоссову, который на судебном процессе после провала Пивного путча таким образом изложил позицию Гитлера (см. цитату в: TYRELL A. *Vom 'Trommler' zum 'Führer': Der Wandel von Hitlers Selbstverständnis zwischen 1919 und 1924 und die Entwicklung der NSDAP*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1975. S. 160).

16 К национализации предприятий призывал 13-й пункт программы, однако «великие лидеры немецкой экономики» в нем не упоминались. Протест против «процентного рабства» был высказан в 11-м пункте.

Доктор Геббельс под громкие аплодисменты после попытки снять некоторые присутствующие в тексте нестыковки высказался так: «Если бы я создал эту партию, то вообще не выдвигал бы никакой программы»¹⁷. Геббельс мог привести в экстаз огромную толпу из двадцати тысяч человек следующим заявлением: «Нас упрекают в отсутствии программы или же в том, что программа, которая у нас есть, полна противоречий. Но именно благодаря этому мы и одержим победу»¹⁸. В этом образце циничного реализма Геббельс очень близко подошел к пониманию сути успеха фашистского движения.

В глазах ревностных приверженцев теории классовой борьбы фашистская партия – попросту извращение. Составляющие ее секции настолько несовместимы, их экономические интересы конфликтуют настолько явно, что такое объединение не должно существовать как партия. Но существует. Более того, оно *действует* в то время, когда однородные партии, построенные по лучшим марксистским моделям, кажутся парализованными перед лицом той же непростой ситуации, которая обеспечивает фашистам условия для успешной работы.

Конечно, между несовместимыми секторами фашистского движения существует постоянный внутренний конфликт. Ни одна другая партия не смогла бы выдержать открытых интриг друг против друга и войн, доходящих чуть ли не до поножовщины (а порой буквально до перестрелки), в которых отметились нацистские лидеры как высших, так и низших чинов.

Основные противоречия фашизма

Неопределенный, неоднозначный, не поддающийся пониманию характер фашизма, который рассматривается как главный аргумент против всего движения, – ключ к его пониманию.

Мы живем в переходный период – и это не обязательно означает, что период этот будет коротким. Переход от феодального общества к капиталистическому длился около четырехсот лет. Переход от лошадей к лошадиным силам продолжается уже более ста лет и включает все изменения и потрясения социальной структуры, которыми сопровождается стремительный рост массового производства. Большой скачок, который предстоит совершить теперь, – это переход от индивидуалистической и анархической экономики к экономике коллективной и плановой.

17 Эти слова были сказаны Геббельсом в беседе, опубликованной в газете «Vossische Zeitung» за 4 июля 1931 года (см. цитату в: BRACHER K.D. *Die Auflösung der Weimarer Republik: Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie*. Villingen: Ring-Verlag, 1971. S. 98).

18 Эти слова Геббельса из речи 1932 года вместе с описанием их воздействия на двадцатитысячную аудиторию приводились в: SCHLAMM W. *Die Zuchtlosen // Die neue Weltbühne*. 1934. № 1. S. 1.

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

Фашизм – это политическое проявление одной из стадий данного перехода, той стадии, на которой мы сейчас находимся. Все противоборствующие и противоречивые тенденции тем или иным образом объединены в нем. Те, кто чувствует необходимость перемен, но желает этих перемен всем, кроме себя и своей социальной группы, могут проецировать свои желания на фашистскую партию – они не найдут там ничего, жестко противоречащего их фантазиям. Гитлера обычно упрекают за то, что он обещал всем (кроме евреев) все, чего они бы они ни хотели. Но ведь для этого партия и существует – так к чему эти упреки? Сила фашизма в том, что он может вобрать в себя все противоречивые элементы. Слабость фашизма, как и любой другой по сути реакционной системы, состоит в том, что он пытается разрешить эти противоречия и может сделать это только под предлогом подготовки к войне.

Коммунисты утверждают, что фашизм – это диктатура финансового капитала. Ленин говорил, что империализм – это высшая стадия капитализма. Сам он дожил только до первой стадии фашизма. Так что для преданного лениниста фашизм – явление не новое. Это самая последняя фаза последней фазы капиталистического империализма, ответный удар капитализма по мировой революции трудящихся. В этом утверждении много правды, но это не вся правда. На заре своего движения Гитлер был столь же яростно настроен против капиталистов, как любой коммунист. Он указывал немецким капиталистам, что у них только одна забота – их собственная жизнь, что они бесполезны для любой важной задачи человечества из-за их невероятной лени и всего, что из нее вытекает, а потому немецкая буржуазия достигла конца своей миссии. Как бы ни расходились последующие действия Гитлера с его ранними теориями, именно заявления такого рода и привлекали массы людей в его партию.

Капитализм, каким мы его знаем, находится в состоянии хаоса. Но, несмотря на иллюзию того, что с течением времени случается прогресс, тот или иной способ выбраться из этого хаоса никак не предопределен. Один возможный путь, путь технического прогресса посредством социалистической реконструкции, выбрала Россия. Есть признаки – особенно в Германии – того, что влиятельные круги предпочли бы сбой и провал технического прогресса. Плановый капитализм, который должен каким-то образом обеспечить доступ к ряду преимуществ социализма, в то же время позволяя капиталистам свободно получать прибыль, сейчас частично испытывается президентом Рузвельтом и в гораздо меньших масштабах – г-ном Эллиоттом¹⁹.

19 Имеется в виду Уолтер Эллиот (1888–1958) – британский министр сельского хозяйства в 1932–1936 годах. Находясь на этом посту, внедрял в сельское хозяйство элементы плановой экономики. Реформы имели общественный резонанс, и Эллиоту прочили блестящую политическую карьеру (см. подробнее: COOPER A. F.

Мы обсудим варианты возможных будущих сценариев выхода из этого хаоса в третьей части книги. На данный момент мы хотим обозначить упомянутые противоречивые тенденции и донести мысль о том, что в любой стране фашизм зарождается как попытка привести их к гармонии. Выражаясь философски, фашизм есть единство этих противоречий. Он сочетает в себе стремление сохранить капитализм и стремление его разрушить – будь то путем введения той или иной разновидности социализма посредством государственного регулирования и вмешательства в экономику либо путем подавления технического прогресса и возвращения к аграризму.

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

Капитализм, каким мы его знаем, находится в состоянии хаоса. Несмотря на иллюзию того, что с течением времени случается прогресс, тот или иной способ выбраться из этого хаоса никак не предопределен.

Теория о том, что мощь фашизма обуславливается произвольным сочетанием внутри него противоречивых тенденций, позволяет нам вывести гибкую концепцию фашизма, которая соответствует фактам. Ведь фашизм не всегда одинаков. В разных странах он выглядит по-разному, потому что три упомянутых элемента смешиваются там в разных пропорциях. Иногда среди них сильнее один, иногда другой. Чем более промышленно развита страна и, следовательно, чем крепче в ней былая власть социалистических партий, тем ярче будет проступать антикапиталистический элемент фашизма. Поэтому он сильнее в Германии, менее выражен в Италии и слабее всего в Венгрии.

Второстепенные противоречия фашизма

Вследствие этих общих противоречий внутри фашизма существует ряд противоречий второстепенных. Происходит неизбежная борьба между политикой сохранения «старого» среднего класса, его независимости, статуса и стремлением к планированию, при котором многие функции «старого» среднего класса утрачивают свою актуальность. Существует противоречие между попыткой снизить жизненные стандарты рабочих, про-

British Agricultural Policy, 1912–36: A Study in Conservative Politics. Manchester; New York: Manchester University Press, 1989. P. 160–183). В других местах книги Конзе и Уилкинсон писали о политике Эллиота как о симптоме общей тенденции к экономическому планированию и видели в нем потенциального главу respectable, более умеренного, чем у Мосли, британского фашизма (P. 66, 223, 225–226, 235, 244, 276).

диктованной капиталистическими элементами фашизма, и подготовкой к войне, для которой требуется довольный условиями рабочий класс. Автаркия несовместима с покорением зарубежных рынков, возвращение к сельской экономике несовместимо с войной. Возвращение в деревню означает исчезновение тяжелой промышленности, необходимой для нужд милитаристов. Если считать за реальность только одну сторону этих противоречий и полагать, что другая сторона существует лишь для отвода глаз, то понять фашизм с его неизбежно зигзагообразной политической линией будет невозможно.

Именно вождь удерживает конфликтующие элементы и группы вместе и приводит их в равновесие. Поэтому все фашистские партии объединяет по крайней мере одно – наличие вождя. Отсюда фанатичная преданность его персоне и театрально-преувеличенное его восхваление. Вокруг него вырастает миф. Распространяется убеждение, что любая запутанная или вызывающая огорчение проблема чудесным образом решится, когда у вождя найдется время лично уделить ей свое внимание. Такая вера в сверхспособности вождя, героического царя, воина-мессии уходит глубоко в историю человечества. И Муссолини, и Гитлер это осознают. Они дорожат своим божественным статусом и не допустят, чтобы кто-то мог составить им конкуренцию. [...]

Часть III. Фашизм и Великобритания

Глава 7. Выбор, перед которым мы стоим

Данная книга представляет собой анализ фашизма как болезни капитализма. Мы показали, почему фашизм наступает на определенной стадии экономического кризиса в любой капиталистической стране. Британские фашисты осенью 1934-го утратили популярность не из-за общественного возмущения в ответ на учиненные ими летом в «Олимпии» зверства, а из-за того, что индекс производства вновь сравнялся с уровнем 1929 года²⁰. Не слишком углубляясь в аналогию, можно сказать, что из-за обесценивания фунта стерлингов британские фашисты находятся в позиции, сходной с той, в которой в 1924-м оказались немецкие фашисты из-за периода «долларового подъема». Но если экономическая ситуация в Англии изменится, изменятся и судьбы фашизма (впрочем, не обязательно движения Мосли).

Вот почему так важно понимать, что из себя представляет фашизм на самом деле. Чтобы не тратить попусту сил на борь-

20 Собрание Британского союза фашистов в лондонском зале «Олимпия» 7 июня 1934 года сопровождалось многочисленными потасовками и насилием в отношении протестующих-антифашистов.

бу с пугалом жестокости и антисемитизма (которое, предположительно, будет завезено в страну из-за границы), в то время как здесь в совершенно ином обличье уже разрастаются другие проявления той же самой идеологии. Конечно, подавляющее большинство населения настроено против фашизма в любой стране, где экономическая ситуация не дает сколь-либо заметного толчка к его установлению, – так же, как большинство людей выступают за мир, когда не идет война. Воодушевленные митинги, где на эмоциях провозглашаются лозунги «У нас в стране не будет гитлеризма», по уровню адекватности недалеко ушли от горячо одобренных горожанами заявлений мэра Чикаго Томпсона о том, что он не позволит королю Георгу управлять городом²¹. В обоих случаях вероятность претворения этих сценариев в жизнь мала.

Когда экономическая ситуация дает почву для наступления фашизма, он приходит в страну таким образом, который вписывается в национальную традицию – как Муссолини пришел по следам былой славы Древнего Рима, а Гитлер воззвал к древнейшим инстинктам германских народов. Когда наступает время для развития того, что решено именовать фашизмом, люди, громко протестовавшие против его проявлений за рубежом, находят в нем нужные их собственной стране элементы. Практикуемое фашистами насилие и жестокое подавление оппонентов вызывают сильнейшее и оправданное отвращение, но с экономическими фактами нельзя бороться одним лишь нравственным негодованием, особенно когда оно в основном направлено против случайных событий, которые могут и не повториться в стране людей благонравных.

Движение против фашизма будет эффективным только там, где оно основано на сильных классовых интересах, которые в случае успеха фашизма будут ущемлены и попраны, а также при условии, что такое движение готово будет предложить четкую, конструктивную альтернативу для преодоления кризиса, при котором фашизм обретает силу. Массовость, с точки зрения классовых интересов, в борьбе с фашизмом может обеспечить только рабочий класс, поскольку именно рабочие больше всего страдают от нынешней системы и, в перспективе, пострадают от фашизма.

Как мы показали, до сих пор представители рабочего класса (способные четко излагать свою позицию производственники, которых можно организовать для борьбы с фашизмом), будучи по сути своей сторонниками реформ, сосредоточивались на том, чтобы извлечь как можно больше из нынешней системы. Насущная проблема нашего времени – в короткий период,

21 Мэр Чикаго Уильям Томпсон (1869–1944) построил свою избирательную кампанию 1927 года на разжигании антибританских чувств и выпадах против королевской фамилии.

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

оставшийся до наступления следующего капиталистического кризиса, – состоит в том, чтобы убедить достаточное большинство, что капитализм при нынешнем подходе к его организации и контролю больше ничего не сможет давать и нуждается в радикальном перепланировании и что, если предоставить это перепланирование самим капиталистам, оно примет форму приготовлений к войне. Не то чтобы отдельные капиталисты, за исключением, возможно, производителей оружия, хотели войны – просто это единственный выход из усугубляющегося кризиса, обусловленного системой.

Когда экономическая ситуация дает почву для наступления фашизма, он приходит в страну таким образом, который вписывается в национальную традицию. Когда наступает время для развития того, что решено именовать фашизмом, люди, громко протестовавшие против его проявлений за рубежом, находят в нем нужные их собственной стране элементы.

Классовые интересы рабочих следует объединять с движущей силой восходящего класса технической интеллигенции, которая имеет как профессиональный, так и материальный интерес во введении государственного планирования. Поэтому в данный момент все зависит от реалистичной пропаганды и от постановки очень ясных целей со стороны тех, кто способен задавать направление широким массам рабочих. К сожалению, в своей новой программе Лейбористская партия, хотя и признает необходимость государственного планирования, рассматривает его лишь как постепенное расширение своей обычной политики и предполагает, что ей как партии будет позволено перейти к социализму постепенно, посредством форм парламентской демократии, хранительницей которых она себя объявляет. Она предлагает проводить в рамках капитализма такие реформы, оплатить которые фактически можно только из прибыли, обеспеченной империализмом. Поэтому наряду с призывами к миру она неизбежно поддерживает правительства союзных стран, заявляя о своем непоколебимом намерении вести войну за коллективную безопасность, то есть за сохранение мира на империалистических условиях, продиктованных Версальским договором, которые легли с тех пор в основу реформистской политики.

Подобные противоречия весьма характерны для человеческой природы. Они попросту означают, что у любого политика-

социалиста, действующего в рамках нынешней системы, сердце постоянно идет вразлад с головой. Сердце хочет мира и существенного улучшения положения рабочих, что достигнимо только при государственном планировании. Вместе с тем присутствует необходимость поддерживать капитализм, чтобы в переходный период рабочие как-то продолжали получать заработную плату. За это нужно заплатить наивысшую цену, которая состоит в готовности вести войну в защиту коллективной гарантии империалистических соглашений, заключаемых через посредство, но чаще за ширмой Лиги Наций.

Нам кажется, что совершается психологическая ошибка. В западном мире весьма реален страх войны. Страх и надежда лежат в основе психологии масс. Успех нацистов показал, сколь колоссальную мощь может пробудить основанная на этой формуле пропаганда. Однако в Англии мы видим, как массовый страх войны используется не для того, чтобы продвигать переход к государственному планированию, которое сможет устранить причины, тянущие страну в пучину войны, а для разыгрывания дипломатической шахматной партии, которая имеет все меньше и меньше реальных оснований и большей частью недоступна для понимания большинству населения.

Самый главный урок, который следует извлечь из успехов большевизма и фашизма заключается в том, что в наше время для проведения любых крупных изменений необходимо заручиться поддержкой рядовых граждан. Сложноустроенным умам «незаурядных» людей, которые обычно имеют несоизмеренно много власти в любой из «старых» реформистских партий, лозунги и принципы, наиболее привлекательные для обывателя, кажутся нелогичными и даже сбивают их с толку. Веймарская Республика была республикой профессоров. Она в целом игнорировала необходимость привлечения масс на свою сторону, не стремилась заручиться их активной поддержкой при проведении своей политики, не была готова пожертвовать некоторой долей эффективности или даже логической стройностью, чтобы добиться их расположения.

Сегодня лидеры британских лейбористов забывают о традиции нескончаемого распространения массовой пропаганды, из которой некогда родилось все их движение, и склонны с неодобрением относиться к громким народным выступлениям, таким как Голодный марш, вынесший протест против законопроекта о безработных на улицы и в деревни²². Партия воз-

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

22 Так называемые «голодные марши» против законопроекта о безработных проходили в феврале 1934 года. Уилкинсон выступала перед участниками марша 25 февраля в Гайд-парке и критиковала Лейбористскую партию за отказ поддержать это протестное движение (см.: BARTLEY P. *Ellen Wilkinson: From Red Suffragist to Government Minister*. London: Pluto Press, 2014. P. 62; BEERS L. *Red Ellen: The Life of Ellen Wilkinson, Socialist, Feminist, Internationalist*. Cambridge: Harvard University Press, 2016. P. 308–309).

ражала против «коммунистических истоков» этой конкретной инициативы, но не предприняла никаких других попыток протеста, кроме процедуры, предусмотренной парламентом. Чинные конференции и массовые митинги, на которых присутствуют одни лишь приверженцы политики лейбористов, не могут сравниться с бурным народным движением, каким стал фашизм во всех тех странах, где он пришел к власти.

Либеральная партия обнаружила, что не может бороться с народными массами за счет одной лишь благовоспитанности, когда сама она утратила былой запал радикализма.

Прилагательное «революционная» применительно к политике – термин неоднозначный. Он может означать гражданскую войну, которую в контексте Великобритании можно исключить из рассмотрения. В равной степени он может означать радикальные перемены. Выбирая именно этот смысл, мы полагаем, что «революционная социалистическая партия» является единственной конструктивной альтернативой, способной в кризисный период пробудить достаточно энтузиазма, чтобы не дать фашизму заручиться народной поддержкой в масштабах, гарантировавших его успех в других странах.

Как мы показали в Части III, реформистская политика не только не приводит несовместимые элементы к согласию за счет своей умеренности, но и влечет раскол и изоляцию промышленного рабочего класса. Она вбивает клин между имеющими работу и безработными, между занятыми в промышленности рабочими и технической интеллигенцией, между городом и деревней, между рабочими и работающим средним классом, обремененным налогами и сборами, которые идут на оплату удобств для рабочих и бремя которых он очень хотел бы с кем-то разделить.

Рискнем предложить альтернативный подход к проблеме. «Градуальный социализм» в том смысле, в каком используют этот термин реформисты, означает постепенное установление контроля над средствами производства. Мы считаем это невозможным. Невозможность эта была продемонстрирована во всех странах, где рабочие имели достаточно влияния, чтобы всерьез проводить такую политику. Сам фашизм является новейшим оружием против этого. Получение контроля над средствами производства – необходимый первый шаг к построению социализма. Это должно стать главным посылом пропаганды и основной политической целью. Достигнув ее, социалистическое государство можно будет строить на крепком фундаменте, обеспечив себе максимальное содействие при новом экономическом строе со стороны людей, которые смиряются с неизбежным, как только будет решен важнейший вопрос – вопрос власти.

Если исходить из того, что построение социализма – это процесс, наступающий после установления контроля над средствами производства, то программа партии и пропаганда должны взять за основу фабрики, цеха и поля – то есть места, где создается богатство. Социализм нельзя преподнести народу как дар от парламентской партии лейбористов. Его нельзя построить сверху, с одного лишь пассивного согласия граждан, выражаемого время от времени в форме голосования. Он должен родиться из активного участия народных масс, из их рвения и понимания. Такой метод может показаться неаккуратным. На практике он, безусловно, преподнесет некоторые сюрпризы. Но ведь лабораторный образец всегда выглядит лучше, чем реальный продукт на ранних этапах фабричного производства. Для социалистического государства было разработано множество моделей и прописана уйма спецификаций. Проблема в том, чтобы передать задачу в руки рабочих. Как бы ни был похвален административный коллективизм работников почты и муниципальных служб, это, на наш взгляд, не шаг в сторону социализма. Контроля над своей деятельностью и интереса к работе у этих людей не больше, чем у подчиненных любого просвещенного работодателя-капиталиста.

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

Социализм нельзя преподнести народу как дар от парламентской партии лейбористов. Его нельзя построить сверху, с одного лишь пассивного согласия граждан, выражаемого время от времени в форме голосования. Он должен родиться из активного участия народных масс, из их рвения и понимания.

Г-н Артур Хендерсон однажды предположил, что причина политической апатии рабочих – феномена, в последнее время набирающего в Англии обороты, – заключается в том, сколько всего уже было достигнуто, как много реформ, которые он продвигал ранее, уже удалось провести²³. Это чистая правда – однако рабочие, хотя и чувствуют, что их положение улучшилось в мелочах, все так же далеки от истинного социализма, который единственный способен снять противоречия капитализма, приносящие им страдания.

Успех фашизма обусловлен его способностью приводить народные массы в движение. Политическая партия, которая не желает этим заниматься, умирает – как умерла Британская

23 Артур Хендерсон (1863–1935) – британский политик, стоял у истоков Лейбористской партии, несколько раз ее возглавлял.

либеральная партия. Лейбористы, стремясь в последнее время избежать этой тактики, построили все свои планы на будущее с расчетом на то, что чинными и сдержанными методами расположат к себе умный и образованный электорат. Социал-демократическая партия Германии рассудила так же, и фашисты со своей тактикой шокового воздействия на массы переманили у них избирателей, включая людей образованных. Но фашисты не в состоянии консолидировать полученную власть, потому что они не могут предоставить рабочим обещанного и не собираются захватывать средства производства. Уже по событиям, последовавшим за расстрелами 30 июня, и по фактической замене штурмовых отрядов преторианскими гвардиями СС и рейхсвера видно, что власть, как только спадает волна, оказывается в руках тех, кто фактически контролирует ее основу – средства производства.

Если бы социал-демократы могли занять такую власть (а до 1930 года им ничто не мешало ее получить, еще в 1918-м она была у них в руках), то, будь они готовы взять под контроль средства производства, Германия сегодня могла бы находиться в состоянии обнадеживающей социалистической реконструкции и быть великой силой, выступающей за мир во всем мире, а не увязать в хаосе фашизма, единственным выходом из которого является война.

Вся цель этой книги – показать, что если страна не встает на путь социализма, то впереди неизбежна война, поскольку капиталистическая система не может приспособиться к непрекращающемуся натиску собственной производительности. Поэтому книга заканчивается призывом. Во время предыдущей войны молодые люди еще могли сказать: «Мы не знали. Это дело рук наших отцов и дедов». Но следующую войну уже никто не сможет назвать неожиданной. Весь мир, как замороженный, словно замерев от ужаса, наблюдает, как страшная опасность подбирается все ближе. И никто, особенно государственные деятели, занятые на конференциях по разоружению, похоже, не в состоянии ее остановить.

В этой сложной ситуации нас не спасут простые средства. Мировая экономика вышла из строя; но говорить о мировых масштабах сложившейся ситуации, оправдывая тем самым свое нежелание решать главную проблему в собственной отдельно взятой стране – значит капитулировать перед лицом кризиса. Разве невозможно представить себе нечто среднее между коммунизмом Третьего Интернационала с характерной для него зависимостью от иностранной державы и заикленностью на методах, возникших из столь отличных от наших социальных условий, и реформизмом, который во времена кризиса неизбежно приводит к пагубной политике выбора «меньшего из

зол» в качестве альтернативы огромным усилиям, необходимым для приведения в движение народных масс, с тем, чтобы взять под контроль средства производства?

ЭДВАРД КОНЗЕ,
ЭЛЛЕН УИЛКИНСОН
WHY FASCISM?

**Если страна не встает на путь социализма,
то впереди неизбежна война, поскольку
капиталистическая система не может приспособиться
к непрекращающемуся натиску собственной
производительности.**

Фундамент для этого нового решения уже присутствует в масштабном рабочем и профсоюзном движении, которое, будучи колоссальным по численности, имеет слабое место в виде зависимости от капитализма. Вопрос в том, можно ли успеть переориентировать широкие массы на социализм до того, как грядущий кризис углубится до такой степени, что даже рабочие под напором британской разновидности фашизма займут реакционную позицию и начнут разрушать организации, которые сами же некогда создавали кровью и потом. Вот реальный выбор, стоящий перед нами, – поскольку Британия не может изолироваться от воздействия великих экономических сил, которому подвергается сейчас весь мир.

*Перевод с английского Марии Ермаковой,
примечания Олега Ларионова*

